

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОТ ИЕРАРХИЧЕСКОГО ВЫБОРА И АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ К РЕАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ЧЕЛОВЕКА И LLM-МОДЕЛИРОВАНИЮ

© Шепелева Е.А.

кандидат психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия
shepelevaea@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-9867-6524

© Шалимов Д.Р.

аспирант, Институт психологии РАН, Москва, Россия
shalimovdr@ipran.ru; ORCID: 0009-0001-7706-9618

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки
и высшего образования РФ, тема № 0138-2026-0015

Для цитирования:

Шепелева Е.А., Шалимов Д.Р.

Эволюция теоретических и методологических подходов к исследованию личностных ценностей: от иерархического выбора и абстрактных понятий к реальному поведению человека и LLM-моделированию // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 16-29.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_02

Shepeleva E.A., Shalimov D.R.

Evolution of theoretical and methodological approaches to the study of personal values: from hierarchical choice and abstract concepts to real human behavior and LLM modeling. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 16-29.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_02

Актуальность работы обусловлена наличием ценностно-поведенческого разрыва — устойчивого расхождения между декларируемыми в самоотчетных опросниках ценностными приоритетами и реальными поведенческими проявлениями. Цель статьи — проследить эволюцию теоретических моделей ценностей и методов их измерения, связать структурные особенности опросников с их предсказательной силой и предложить основания для новой стратегии валидизации через моделирование ценностно-ориентированного поведения в LLM-агентах. В работе проведен сравнительный анализ пяти подходов к исследованию ценностей — М. Рокича, Ш. Шварца, Г. Хофстеде, Г. Триандиса и В. Гувейи по трем формальным параметрам: степень ипсативности/нормативности, формат шкал и степень контекстуализации формулировок. Результаты показывают, что различия между подходами касаются не только содержания и структуры ценностных понятий, но и формата измерения, выбора единицы анализа и степени контекстуализации вопросов. Обсуждение результатов позволяет заключить, что критериальная валидность ценностных опросников систематически связана с их структурными особенностями: ипсативные форматы снижают социальную желательность, но искажают корреляции с поведением, тогда как нормативные Лайкерт-шкалы обеспечивают сравнимость

данных, но чувствительны к стилям реагирования и дают более низкие прогностические коэффициенты. Проведенный анализ создает концептуальную базу для построения поведенчески ориентированных схем валидизации ценностных опросников, в том числе с привлечением LLM-агентов. Возможность наделять языковые модели заданными ценностными профилями и помещать их в ситуации с конфликтующими мотивациями открывает новое экспериментальное поле для эмпирической проверки гипотез о ценностной регуляции поведения. Выводы работы позволяют удерживать различие между культурным и индивидуальным уровнями ценностного анализа и дают ориентиры для выбора измерительных форматов и экспериментальных сценариев, способных фиксировать содержательные различия в ценностных конфигурациях. Ближайшая исследовательская перспектива — разработка и апробация таких сценариев на человеческих выборках и LLM-агентах с последующим сопоставлением полученных данных с результатами стандартных ценностных опросников.

Ключевые слова: личностные ценности, ценностно-поведенческий разрыв, теория ценностей Рокича, теория универсальных ценностей Шварца, культурные измерения ценностей Хофстеде, индивидуализм-коллективизм Триандиса, функциональная теория ценностей Гувейи, критериальная валидность, кросс-культурные ценностные ориентации, LLM-агенты, моделирование ценностного выбора, самоотчетные опросники, ипсативные и нормативные шкалы, психометрическое моделирование, поведенческая валидизация, симуляция ценностного выбора

Введение

Личностные ценности традиционно рассматриваются как когнитивные репрезентации фундаментальных мотивов, задающие устойчивые ориентиры для оценки и выбора вариантов поведения (Rokeach, 1973; Schwartz, 1992). Ценности значимы как для понимания индивидуальной мотивации, так и для прогнозирования социального поведения. Однако изучение личностных ценностей сопряжено с рядом трудностей. Ценности — это внутриличностный феномен, не поддающийся прямому наблюдению. Они выявляются преимущественно на основании самоотчетных опросов или поведенческих проб. Разные теоретические модели предлагают различные наборы ценностей и принципы их организации, но при всем многообразии подходов открытыми остаются вопросы о том, в какой степени используемые опросники фиксируют реальные, а не только декларируемые поведенческие приоритеты и как именно структура этих опросников влияет на их предсказательную силу.

Среди сложностей применения ценностных опросников в литературе отмечаются проблемы интерпретации данных, полученных по ипсативным и нормативным шкалам, неоднозначность трактовки абстрактных ценностных понятий, влияние социальной желательности и контекстуальной активации ответов (Кисельникова, 2021; Gibbins, Walker, 1993; Kitwood, Smithers, 1975). При этом методологические дискуссии чаще всего касаются отдельных аспектов — преимущественно типа шкал или способа формулировки утверждений, в то время как систематическое сопоставление структурных особенностей опросников (степени ипсативности/нормативности, формата шкал, степени контекстуализованности формулировок) и их критериальной валидности в области ценностей проводится очень редко. Под вопросом остается наиболее практически значимая возможность стандартизированных опросников улавливать динамическую, ситуационно зависимую природу ценностных ориентаций и действительно прогнозировать поведение в условиях реального жизненного выбора. Это расхождение между декларируемыми и реально проявляемыми ценностями получило название ценностно-поведенческого разрыва (Galizzi, Navarro-Martinez, 2019; Skimina et al., 2019). Появление LLM-моделирования открывает новые перспективы в этом направлении. LLM, обученные на разных данных, являются инструментом для анализа определенных социальных представлений, стереотипов и норм, но и сами становятся носителями «заданных из-

вне» поведенческих предпочтений — не как результат их собственного выбора, а как отражение статистических закономерностей, имплицитно содержащихся в обучающих данных. Это создает возможность рассматривать LLM-агентов как экспериментальную платформу для тестирования гипотез о ценностной регуляции поведения, но повышает требования к ясности теоретических моделей и надежности используемых методов измерения.

Цель настоящей статьи — проследить эволюцию теоретических моделей личностных и культурных ценностей и соответствующих методов их измерения, проанализировать, как конкретные структурные особенности опросников (ипсативность, формат шкал, степень контекстуализации формулировок) связаны с их критериальной валидностью, а также предложить основания для новой стратегии валидации ценностных опросников через моделирование ценностно-ориентированного поведения в LLM-агентах.

Эволюция теоретических моделей ценностей и их влияние на конструкцию опросников

Списочный/иерархический подход М. Рокича

В теоретической концепции М. Рокича (Rokeach, 1973) ценности определяются как устойчивые убеждения в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположные. Ценности служат руководящими принципами в жизни человека и являются когнитивными репрезентациями фундаментальных мотивов, оставаясь относительно стабильными в разных ситуациях и во времени. М. Рокич предположил, что у всех людей есть один и тот же ограниченный набор ценностей, но в индивидуальном сознании каждого человека ценности выстраиваются в иерархию важности, которая отражает определенные ценностные приоритеты. Кроме того, все ценности делятся на два типа: 1) терминальные — цели, к которым стоит стремиться; 2) инструментальные — предпочтительные способы действия.

М. Рокич предложил свой список ценностей, выявленных на основании анализа литературы и опроса 130 респондентов из разных групп, которых просили составить списки важных для них жизненных принципов. Список ценностей был сформирован на основе анализа литературы и опроса респондентов из разных групп с последующим отбором дифференцированных понятий, релевантных как для американского общества, так

и для других культур. В результате в концепции М. Рокича были выделены 18 инструментальных (способов достижения) и 18 терминальных (результатов достижения) ценностей, организованных в системы.

Интересно то, что М. Рокич не соотносил конкретные терминальные и инструментальные ценности, а полагал, что их взаимосвязь может быть гибкой и многофакторной. Диагностика ценностного профиля личности по М. Рокичу предполагает ранжирование — респондент должен расставить ценности из двух списков в порядке убывания значимости. К сильным сторонам методики относятся эмпирическое обоснование списка, иерархический формат, снижающий социальную желательность, и разделение ценностей-целей и ценностей-средств (Леонтьев, 1992).

Структурно метод М. Рокича реализует предельно ипсативный формат измерения: испытуемый должен выстроить фиксированный набор терминальных и инструментальных ценностей в строгую иерархию, тем самым задавая не абсолютный уровень важности каждой ценности, а ее относительное место по сравнению с другими ценностями в пределах собственного профиля (Rokeach, 1973). С психометрической точки зрения это означает, что сумма рангов по набору ценностей для каждого человека константна, а сами ранги взаимозависимы: повышение позиции одной ценности автоматически влечет снижение позиций других. Ипсативные методы по определению измеряют внутриличностные различия, но сильно ограничивают возможности для корректного межличностного сравнения и для сопоставления данных с внешними критериями, поскольку ковариации между шкалами и их связи с поведением искажены структурной зависимостью баллов (Bartram, 1996; Hicks, 1970). В результате критериальная валидность строго ипсативных опросников оказывается ограниченной не только содержанием шкал, но и формальной геометрией данных: даже при наличии реальной связи между некоторыми ценностями и поведением стандартные корреляционные методы могут недооценивать ее величину или искажать ее знак. Достоинством ипсативного формата является снижение возможности сознательного искажения ответов, поскольку «подогнать» всю иерархию под социально желательный образ достаточно трудно.

Критика концепции М. Рокича связана с низкой критериальной валидностью абстрактных ценностей (Peng, 1997) и нарушением транзитивности при ранжировании (Кисельникова, 2021). Ранжи-

рование ценностей может значительно изменяться в зависимости от контекста — например ценности, наиболее важные для человека в семейной среде, могут быть незначимыми в контексте рабочих отношений (ценность «счастье других» важна в отношении близких родственников, но не коллег). Несмотря на это, список ценностей, а также основные постулаты концепции М. Рокича стали основой теории содержания и структуры личностных ценностей Ш. Шварца, в настоящее время наиболее широко применяющейся в социальной и кросс-культурной психологии. Таким образом, подход М. Рокича стал стимулом для перехода к моделям, в которых структура ценностей и методика их измерения более тесно связаны с мотивационными целями и повседневными ролями.

Мотивационно-структурный подход

Ш. Шварца

Ш. Шварц предложил оригинальную теорию базовых ценностей (Schwartz, 1992; Schwartz, Bilsky, 1987), основанную на нескольких предположениях. Во-первых, ценности — это когнитивные репрезентации мотивов, необходимых для удовлетворения базовых жизненных потребностей человека — биологических потребностей организма, интерактивных потребностей в межличностной координации, а также групповых потребностей в благополучии и выживании. Во-вторых, ценности организованы в единый круговой мотивационный континуум, где их расположение отражает степень совместимости или конфликта между ними, а границы между соседними ценностями являются размытыми (Sagiv, Schwartz, 2022). Чем более совместимы любые две ценности, тем ближе они расположены друг к другу на «ценностном круге» (например, «забота» и «надежность»), а чем сильнее конфликтуют, тем больше отдаляются друг от друга (например, «достижение» и «скромность»).

Эта динамика влияет и на совместимость между людьми — сходные ценности определяют схожесть взглядов и моделей поведения, а конфликтующие задают их противоположность, в результате следование одной ценности препятствует следованию другой. Эмпирические исследования подтверждают, что актуализация совместимых ценностей в процессе деятельности и подавление конфликтующих происходит в соответствии с круговой структурой модели (Skimina et al., 2019). В результате было обнаружено, что ценности, воспринимавшиеся как важные в процессе каждого конкретного действия, как правило, соответствовали тем, которые в теории Ш. Шварца определя-

лись как совместимые, а не противоречащие друг другу, и наоборот.

Круговая структура позволяет делить ценности на 10 или 19 категорий в зависимости от задач исследования (Schwartz et al., 2012; Schwartz, Cieciuch, 2021). Метод измерения ценностей в качестве руководящих принципов в жизни Ш. Шварц перенял от М. Рокича (Rokeach, 1973), кроме того, первоначальные идеи Ш. Шварца были проверены на данных, полученных М. Рокичем, однако Ш. Шварц ушел от идеи прямого ранжирования ценностей и разработал ряд ценностных опросников, в которых испытуемому предлагалось оценить по числовой шкале, насколько каждая ценность является для него ведущим принципом в жизни.

Для диагностики индивидуальных ценностных ориентаций используется несколько модификаций опросника индивидуальных ценностей SVS (Schwartz Value Survey), где испытуемый должен оценить, насколько для него важны те или иные ценности (Карандышев, 2004; Schwartz, 1992), и несколько версий портретного ценностного опросника PVQ (Portrait Values Questionnaire), где испытуемый должен ответить, насколько похож на него человек, которому важны определенные ценности (Шварц и др., 2012; Schwartz et al., 2012; Schwartz, Cieciuch, 2021). Переход от абстрактных ценностей к конкретным описаниям людей, руководствующихся определенными ценностями (портретам), повышает экологическую валидность опросника. Культурные показатели получают путем усреднения индивидуальных ответов (SVS или PVQ) по выборке, представляющей ту или иную культуру. Усредненный профиль характеризует доминирующие ценностные ориентации общества (например, «универсализм» или «индивидуализм»). Круговая структура культурных ценностей Ш. Шварца воспроизводится в десятках стран, а портретный ценностный опросник Ш. Шварца PVQ-RR показал лучшую предсказательную способность среди нескольких ценностных опросников в отношении самоотчетного ценностно-релевантного поведения (просоциального и экологического), а также психического здоровья (Hanel et al., 2018).

Применение PVQ-RR в исследованиях различных групп, включая подростков-сирот и детей из семей, показывает, что индивидуальная микро-среда вносит значительный вклад в формирование ценностных ориентаций даже при сходных макросоциальных условиях (Шепелева и др., 2019).

Несмотря на то, что теория Ш. Шварца находит широкое эмпирическое подтверждение в различных социальных средах, его портретный ценност-

ный опросник является самоотчетной методикой, оставляя открытым вопрос о соответствии ценностей, выявленных по опроснику, реальному поведению в конкретных жизненных ситуациях (Кисельникова, 2021). Важно уточнить, что под «поведенческим критерием» валидации ценностных опросников понимается степень соответствия самоотчетных данных реальному поведению. Самоотчетное поведение предполагает декларацию намерений, описание собственных действий и/или их причин по опросникам. Реальное поведение — это действия, объективно зарегистрированные в лабораторных условиях (игры, моральные дилеммы), в полевых наблюдениях, в дневниковых записях в момент выбора. Различие самоотчетных и объективных данных критически важно: связь между ценностными опросниками и описанным в самоотчетах поведением часто объясняется единством метода (оба — вербальные), социальной желательностью или субъективной интерпретацией событий, тогда как связь самоотчетных данных с объективно зарегистрированным реальным поведением указывает на подлинную валидность инструмента.

В отличие от ипсативного формата М. Рокича, опросники Ш. Шварца реализуют классический нормативный подход к измерению ценностей. И SVS, и портретные шкалы PVQ/PVQ-RR опираются на рейтинговый формат: респондентов просят оценить степень похожести на описанного персонажа или субъективную важность ценности по шкале Лайкерта, обычно с 6–7 градациями (Schwartz, 1992; Schwartz et al., 2012). Такое шкалирование позволяет получать независимые баллы по каждой ценности и сравнивать людей между собой, что делает возможным строить сложные структурные модели и проводить кросс-культурные сравнения. Однако нормативный Лайкерт-формат может приводить к искажениям, прежде всего к социальной желательности, и не учитывает индивидуальный стиль реагирования, что влияет как на дисперсию по шкалам, так и на критериальную валидность методики в целом.

Различие в критериальной валидности между ипсативными и нормативными форматами имеет несколько психологических оснований. На математическом уровне ипсативные шкалы (ранжирование) по конструкции ограничивают дисперсию и искажают ковариации между ценностями. На уровне социальной желательности нормативные шкалы более подвержены ее влиянию, а также влиянию стилевых особенностей (например, экстремизация выбора), но при этом отражают более искреннее мнение, не требующее иерархическо-

го упорядочивания. На уровне репрезентативности абстрактные формулировки ценностей менее доступны для когнитивной репрезентации и слабее связаны с конкретным выбором; портретные и сценарные форматы усиливают связь с контекстом, так как описывают типичные жизненные ситуации (frame-of-reference-эффект).

Метааналитические и методологические обзоры показывают, что одночленные Лайкерт-шкалы в целом менее устойчивы к фальсификациям и дают более низкие коэффициенты прогноза поведенческих критериев, чем квазиимплицитные форматы вынужденного выбора, особенно в контекстах отбора персонала и оценки эффективности (Martínez, Salgado, 2021; Salgado et al., 2015). Дополнительным ограничением является и то, что большинство формулировок опросника PVQ остаются деконтекстуализированными: респондента просят оценить, насколько он «похож на человека, для которого важно X», в целом, без специфической привязки к сфере жизни или социальной роли. Данные по личностным опросникам свидетельствуют, что это резко снижает критериальную валидность по отношению к конкретным поведенческим исходам, в то время как контекстуализированные шкалы (например, «на работе») систематически демонстрируют почти двукратный рост валидности (Hunthausen et al., 2003; Shaffer, Postlethwaite, 2012).

Таким образом, структурные решения Ш. Шварца — нормативность, Лайкерт-формат и отсутствие специфической контекстуальной рамки — обеспечивают универсальность и сравнимость данных, но и ограничивают возможность предсказывать поведение в конкретных ситуациях. Подход Ш. Шварца занимает промежуточное положение между индивидуально-ориентированными и культурно-ориентированными ценностными моделями: он позволяет измерять как личные ценностные приоритеты, так и средние культурные ориентации, сохраняя при этом универсальную структуру ценностного круга.

Кросс-культурный подход Г. Хофстеде

В модели культурных измерений Г. Хофстеде отправной точкой является определение культуры как «коллективного программирования сознания», отличающего членов одной группы или категории людей от другой (Hofstede, 2001). Культура понимается как надындивидуальный феномен — это система разделяемых ориентаций, ядром которой выступают ценности как устойчивые предпочтения, задающие ориентиры в отношении власти, неопределенности и баланса индивидуальных

и групповых интересов (Hofstede, 1980). В таком подходе ценности перестают быть исключительно личными идеалами или убеждениями и рассматриваются как компоненты культурного кода, проявляющиеся в типичных способах организации социальной жизни, стилях управления, ролевых ожиданиях и нормах общения (Hofstede, 2001).

Теоретическая задача Г. Хофстеде состояла в выделении устойчивых измерений национальных культур. Автор предположил, что они могут быть выявлены на основе систематических различий в ответах сотрудников крупной организации, имеющей представительства в разных странах. Исследование было проведено на выборке сотрудников IBM, что давало возможность контролировать организационные факторы и рассматривать различия как отражение культурных ориентаций (Hofstede, 1980). Факторный анализ усредненных по странам ответов сотрудников позволил выделить несколько устойчиво воспроизводящихся факторов: дистанцию власти, избегание неопределенности, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/фемининность, а позднее — долгосрочную ориентацию и снисходительность/сдержанность (Hofstede, 1980; Hofstede, 2001). Каждый из этих факторов интерпретируется как культурная ценностная ориентация, задающая предпочтительные способы распределения власти, отношения к правилам и риску, баланс личных и групповых целей, нормативные ожидания в отношении мужественности и женственности, а также отношение к удовольствиям и самоконтролю. Принципиально важно, что сами измерения изначально описываются как свойства национальных культур, а не отдельных индивидов: получаемые индексы интерпретируются как характеристики «культуры страны» и не предназначены для психологической диагностики личности.

Таким образом, концептуальное понимание ценностей как компонентов культурного программирования непосредственно воплощается в выборе единицы анализа, способе агрегирования данных и интерпретации индексов. Однако те же концептуальные и методологические решения порождают ряд ограничений, которые активно обсуждаются в современной литературе. Приравнивание культуры к национальным границам игнорирует внутринациональную гетерогенность: региональные, этнические и классовые различия могут быть очень выраженными, но нивелироваться при усреднении по стране (Brewer, Venaik, 2014). Агрегирование данных до уровня стран и последующая интерпретация измерений часто приводят к экологической ошибке: групповые индексы, валидные для

сравнения стран, начинают некорректно использоваться для объяснения поведения отдельных индивидов, что методологически неправомерно (McSweeney, 2002). Кроме того, исходная биполярная структура некоторых измерений, прежде всего индивидуализма–коллективизма и маскулинности–фемининности, со временем была подвергнута критике как излишне упрощающая реальное многообразие ценностных ориентаций; именно эта критика стимулировала дальнейшую разработку более тонких моделей, таких как модель Х. Триандиса.

Культурные синдромы и личные ориентации Х. Триандиса

Подход Х. Триандиса к культуре и ценностям развивается в иной логике. Он, как и другие авторы, не рассматривает ценности исключительно как индивидуальные убеждения. Вместо этого он акцентирует субъективную составляющую культуры и многоуровневый характер культурных влияний. Х. Триандис вводит понятие субъективной культуры — разделяемого ментального репертуара убеждений, норм, ценностей и установок (Triandis, 1972; Triandis, Suh, 2002). Он включает неосознаваемые допущения и «процедуры по умолчанию», через которые люди воспринимают и структурируют социальную реальность. Для описания этого репертуара автор вводит понятие культурного синдрома. Это комплекс взаимосвязанных элементов субъективной культуры, организованных вокруг определенной темы и совместно определяющих типичный для общества образ поведения (Triandis, 1993). Культурные синдромы задаются именно на уровне группы, общества или культуры — они разделяются многими индивидами и проявляются в типичных сценариях взаимодействия, например в том, как люди распределяют ответственность, выражают несогласие или реагируют на нарушение норм (Oyserman et al., 2002; Triandis, 1993).

Наиболее известным примером культурного синдрома у Х. Триандиса является измерение индивидуализма–коллективизма (Triandis, 1995). Индивидуализм, по Х. Триандису, акцентирует автономию, личную ответственность и приоритет собственных целей, тогда как коллективизм — принадлежность к группе, взаимные обязанности и приоритет групповых целей над личными (Triandis, 1993; Triandis, 1995). Идиоцентризм и аллоцентризм — личностные ориентации, не тождественные культурным синдромам индивидуализма и коллективизма (Triandis, 1995). Идиоцентричный индивид склонен ставить личные цели выше групповых; алло-

центричный — ориентируется на группу и готов жертвовать личным (Triandis, 1995). Эти индивидуальные ориентации формируются в контексте субъективной культуры, но могут существенно варьировать внутри одной и той же национальной культуры — в индивидуалистических обществах могут встречаться люди с выраженным аллоцентризмом, а в коллективистических — с выраженным идиоцентризмом (Oyserman et al., 2002; Triandis, 1995). Таким образом, ценности в данной модели — это не только культурные синдромы, но и формируемые на их основе индивидуальные ориентации, опосредованные субъективной культурой.

Триандис и его коллеги предложили дифференцировать индивидуализм и коллективизм, разделив их на вертикальные и горизонтальные формы (Triandis, 1995). Для их измерения были разработаны многомерные шкалы: горизонтальный индивидуализм (HI), вертикальный индивидуализм (VI), горизонтальный коллективизм (HC) и вертикальный коллективизм (VC). Полученные индексы могут использоваться как для описания культурных профилей (усреднение по странам или группам), так и для описания индивидуальных ориентаций внутри культуры, что непосредственно подводит к вопросу о связи этих четырех культурных форм с идиоцентризмом и аллоцентризмом. Эта дифференциация отражает то, что ценности, связанные с отношением к группе, не исчерпываются одним измерением «я–мы», а зависят также от отношения к власти, статусу и допустимому неравенству.

Если у Г. Хофстеде культура выступает прежде всего как свойство страны или организации и задает фон для типичных моделей поведения (Hofstede, 1980; Hofstede, 2001), то у Х. Триандиса тот же ценностный континуум «индивидуализм–коллективизм» получает индивидуальное измерение в виде идиоцентризма и аллоцентризма, позволяя описывать вариативность ценностных ориентаций внутри одной и той же культурной среды (Oyserman et al., 2002; Triandis, 1993; Triandis, 1995; Triandis, Suh, 2002). Эта логика особенно важна для задач предсказания поведения: именно индивидуальные ориентации, а не только национальные индексы, оказываются релевантны для объяснения того, как конкретный человек распределяет ответственность, строит отношения с группой или реагирует на нарушение норм (Oyserman et al., 2002; Triandis, 1995). Для нашего исследования это означает, что кросс-культурные модели не являются лишь «общим фоном», а задают принципиальную рамку для последующего моделирования ценностно-ориентированного поведения как людей, так и LLM-агентов. В обоих

случаях необходимо различать культурный уровень ценностных синдромов и индивидуальный уровень личностных ориентаций, которые могут совпадать с доминирующими культурными паттернами или, напротив, им противостоять (Hofstede, 2001; Oyserman et al., 2002; Triandis, 1995). Такое многоуровневое понимание ценностей подготавливает переход от описания декларативных установок к конструированию сценариев поведения, чувствительных как к культурному контексту, так и к индивидуальному ценностному профилю, что является существенным условием для разработки и проверки моделей ценностной регуляции в LLM-агентах (Oyserman et al., 2002; Triandis, Suh, 2002).

Методологически подход Г. Хофстеде обнаруживает сходство с бихевиористской объяснительной стратегией. Устойчивые ментальные паттерны фиксируются через агрегированные поведенческие ответы на уровне стран, культура выступает как внешний фактор, модулирующий вероятность тех или иных поведенческих проявлений. В отличие от радикального бихевиоризма, в этой модели внутренние диспозиции (ценности, установки) не элиминируются, однако механизмы их влияния на поведение остаются недостаточно проработанными. Иное решение предлагает Х. Триандис, анализируя индивидуализм–коллективизм как на уровне общества, так и на уровне личностных синдромов и вводя конструкт субъективной культуры. Таким образом, акцент переносится на психологические опосредующие переменные. В этом случае культура трактуется как интернализуемая смысловая система, что позволяет более последовательно описать связь между контекстом, внутренними регуляторами и действием и выйти за пределы экстерналистской логики, присущей модели Хофстеде.

Функциональный подход В. Гувейи

Функциональная теория человеческих ценностей В. Гувейи переходит от ценностей как абстрактных идеалов к их пониманию как механизмов, одновременно выражающих потребности и управляющих действием (Gouveia, 2013; Gouveia et al., 2014). В отличие от авторов моделей, фокусирующихся главным образом на содержании ценностей или их структурной организации в мотивационном континууме, В. Гувейя исходит из того, что ценности выполняют две базовые функции: они либо выражают потребности — прежде всего потребности выживания или процветания, — либо направляют действия на достижение личных, центральных или социальных целей (Gouveia, 2013).

Комбинация этих двух измерений («выживание–процветание» и «личные–центральные–социальные цели») задает шесть субфункций ценностей, каждая из которых представляет собой кластер конкретных ценностей, связанных с типичными поведенческими задачами (Gouveia, 2013; Gouveia et al., 2014). В результате функциональная теория сохраняет мотивационное пространство, близкое к модели Ш. Шварца, но организует его вокруг функций ценностей, а именно вокруг того, какие потребности и какие типы действий они поддерживают (Schwartz, 2014).

Опросники, разработанные на основе этой теории, прежде всего Basic Values Survey (BVS), предлагают компактную операционализацию: респондент оценивает важность восемнадцати ценностей (например, социальной поддержки, религиозности, принадлежности) по шкале от 1 до 7, что дает возможность фиксировать не только относительное место ценностей в иерархии, но и их абсолютную субъективную значимость (Gouveia, 2003; Gouveia et al., 2008). Многочисленные исследования показывают, что предложенная структура шести субфункций воспроизводится в разных выборках, включая детскую, и в различных культурных контекстах, хотя значительная часть эмпирического корпуса накоплена в бразильской выборке (Gouveia, 2013; Horstmann et al., 2017; Vilar Lobo de Souza, 2020). Несмотря на сходство с теорией Шварца (Schwartz, 2014), функциональная теория остается конкурентоспособной благодаря компактности и ясности интерпретации (Hanel et al., 2018).

На уровне формата измерения опросники BVS/BVQ, разработанные на основе функциональной теории В. Гувейи, продолжают линию нормативных Лайкерт-шкал. Респондентам предлагается оценить важность каждой из восемнадцати ценностей по семибалльной шкале, что делает возможным прямое сравнение абсолютных уровней выраженности субфункций между людьми и группами (Gouveia, 2013). Современные данные по шкальным форматам показывают, что подобные Лайкерт-оценки абстрактной «важности» в целом демонстрируют умеренную критериальную валидность и уступают как контекстуализированным самоотчетам, так и квазиимплицитным форматам вынужденного выбора, особенно когда речь идет о прогнозе поведения в конкретном домене (Lievens et al., 2008; Martínez, Salgado, 2021; Salgado et al., 2015), хотя при этом остаются более удобными для кросс-культурных и популяционных сравнений.

Для целей настоящей статьи принципиально важно, что В. Гувейя рассматривает ценности

именно как функциональные регуляторы поведения. Если ценности выполняют функции выражения потребностей и управления действиями, то их психологическое измерение не может ограничиваться подтверждением факторной структуры или сопоставлением самоотчетов с другими опросными шкалами (Кисельникова, 2021; Gouveia, 2013). В конечном счете валидность таких шкал должна проверяться по поведенческим критериям: по тому, как различные конфигурации субфункций связаны с устойчивыми паттернами выбора, соблюдения норм, кооперации или девиантного поведения в ценностно нагруженных ситуациях. Функциональная теория здесь задает не только типологию ценностей, но и типологию ситуаций: сценарии, в которых сталкиваются потребности выживания и процветания или конкурируют личные и социальные цели, могут быть систематически выведены из матрицы функций, лежащей в основе модели (Gouveia, 2013). Поэтому функциональный подход естественным образом подводит к идее поведенческой валидации: к необходимости конструировать задачи, в которых поведение выступает как непосредственный индикатор ценностной регуляции, а не только как объект интерпретации самоотчетов (Кисельникова, 2021).

В отношении моделирования LLM-агентов функциональная классификация В. Гувейи может служить каркасом для разработки поведенческих сценариев, в которых агенты сталкиваются с противоречивыми ценностными требованиями. Задавая агенту определенный профиль по шести субфункциям (например, смещая акцент в сторону ценностей выживания и личных целей или, напротив, процветания и социальных целей) и помещая его в сценарии, которые, согласно теории, активируют соответствующие функции, можно проверять, насколько поведение агента согласуется с заданной ценностной конфигурацией (Gouveia, 2013; Hanel et al., 2018). Такой подход превращает функциональную теорию в концептуальный мост между опросными моделями ценностей и поведенческим тестированием. Он позволяет перейти от анализа декларативных установок к моделированию сценариев действия, чувствительных к ценностному профилю агента. В подобных сценариях можно оценить, способны ли LLM-агенты воспроизводить паттерны ценностно-ориентированного поведения, наблюдаемые у людей. Это открывает возможность их использования как инструмента поведенческой валидации теорий ценностей и диагностических методик.

Таблица 1. Сравнительный анализ пяти подходов по формальным параметрам

Авторы подхода	Единица анализа	Ипсативность	Формат опросника	Контекстуализация	Способ валидации
Олпорт, Вернон, Линдсей	Индивид	Средняя (форсированный выбор)	Поведенческие сценарии	Средняя	Внутренняя согласованность
Рокич	Индивид	Высокая (ранжирование)	Абстрактные ярлыки, список	Низкая	Корреляции с установками
Шварц	Индивид и культура	Низкая (нормативные шкалы)	Портреты (PVQ), абстрактные (SVS)	Средняя–высокая	Кросс-культурная инвариантность, корреляции с поведением
Хофстеде	Национальная культура	Нормативные	Опросники, агрегированные индексы	Низкая	Макропоказатели, корреляции между странами
Триандис	Индивид и культура	Нормативные	Согласие с утверждениями	Средняя	Многоуровневое моделирование, различие синдромов
Гувейя	Индивид	Нормативные	Абстрактные и функциональные описания	Низкая	Структурное моделирование, факторный анализ

Таблица 1 показывает, что сдвиг от ипсативных к нормативным шкалам и от абстрактных к контекстуализированным форматам (портреты, сценарии) связан с усилением связи ценностных оценок с реальным поведением.

Заключение

В развитии ценностных моделей выделяется несколько тенденций. От иерархического списка М. Рокича (Rokeach, 1973), в котором ценности представлялись как замкнутый набор дискретных

понятий, упорядоченных по значимости, произошел переход к мотивационному кругу Ш. Шварца (Schwartz, 1992; Schwartz et al., 2012), где ценности образуют континуум, отражающий совместимость или конфликт между мотивационными целями. В дальнейшем кросс-культурные модели Г. Хофстеде (Hofstede, 1980; Hofstede, 2001) и Х. Триандиса (Triandis, 1995) сместили фокус с индивидуальных ценностных иерархий на культурные синдромы и разделяемые ориентации, а функциональная теория В. Гувейи (Gouveia, 2013) предложила более экономную классификацию, основанную на двух эволюционных функциях ценностей — выражении потребностей и управлении действием. Общий вектор этих изменений можно описать как постепенный уход от чисто абстрактных понятий и универсальных списков к более контекстно чувствительным инструментам: портретным описаниям в PVQ-RR (Schwartz, Cieciuch, 2021), многомерным шкалам культурных синдромов Х. Триандиса (Triandis, 1995) и сценарным методам, приближающим измерение к реальным ситуациям выбора.

При всем разнообразии моделей базовый способ сбора данных — самоотчет — остается неизменным. Иерархическое ранжирование М. Рокича, рейтинговые шкалы SVS и PVQ, опросники на основе теорий Г. Хофстеде и Х. Триандиса, а также BVS В. Гувейи опираются на вербальную самооценку значимости ценностей или степень согласия с ценностно-нагруженными утверждениями, что приводит к ценностно-поведенческому разрыву: декларируемые в опросниках приоритеты далеко не всегда согласуются с реальными поступками в конкретных жизненных ситуациях.

Рассмотрение структурных особенностей опросников сквозь призму трех параметров — степени ипсативности/нормативности, формата шкал и степени контекстуализованности формулировок — позволяет уточнить природу этих ограничений. Предельно ипсативный формат ранжирования М. Рокича снижает возможности фальсификаций, но затрудняет межиндивидуальные сравнения и искажает корреляции с поведенческими критериями. Нормативные Лайкерт-шкалы SVS, PVQ и BVS обеспечивают сравнительность и удобны для кросс-культурных исследований, но оказываются чувствительны к социальной желательности и стилям реагирования, а деконтекстуализация ограничивает критериальную валидность в специфических доменах поведения. Кросс-культурные опросники Г. Хофстеде и Х. Триандиса демонстрируют, как выбор единицы анализа (индивид, группа, страна) и способ агрегирования данных

влияет на интерпретируемость ценностей и сферу применимости выводов. Таким образом, вопрос о том, «какие ценности измеряет тот или иной опросник», оказывается неотделим от вопроса о том, «как именно они измеряются» и какие поведенческие выводы допустимо делать на основе получаемых шкал. С этой точки зрения функциональный подход В. Гувейи занимает особое место. С одной стороны, его опросники строятся на нормативном Лайкерт-формате и, следовательно, разделяют общие ограничения самоотчетных методик. С другой стороны, сама теоретическая рамка В. Гувейи — представление ценностей как механизмов, выполняющих функции выражения потребностей и управления действием — задает ясную типологию ситуаций, в которых ценности должны проявляться в поведении. Если ценности описываются через субфункции, связанные с выживанием и процветанием, личными, центральными и социальными целями, то поведенческая валидизация этих субфункций требует сценариев, в которых эти типы потребностей и целей вступают в конкуренцию или, напротив, подкрепляют друг друга. Таким образом, функциональная теория позволяет совершить переход от анализа декларативных ценностных профилей к конструированию поведенческих задач, в которых выбор человека непосредственно отражает его ценностные приоритеты.

Проведенный теоретический анализ может стать основой для разработки поведенчески ориентированных протоколов валидизации методик измерения ценностей, в том числе протоколов с участием LLM-агентов. Рассматривая языковые модели как управляемых агентов, которым можно задавать различные ценностные профили и помещать их в сценарии с конкурирующими мотивационными требованиями, можно получить новую экспериментальную среду для проверки гипотез о ценностной регуляции поведения. Результаты настоящей теоретической работы позволяют, с одной стороны, избегать некорректного переноса выводов с уровня культурных индексов на уровень индивидуального поведения и, с другой стороны, более осознанно выбирать форматы измерения и сценарии, которые действительно чувствительны к различиям в ценностных конфигурациях. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой и эмпирическим тестированием таких сценариев как в исследованиях с участием людей, так и в моделях с участием LLM-агентов, а также с сопоставлением их результатов с данными традиционных ценностных опросников. Ценностный профиль агента может быть задан различными способами — как через промптинг, тек

и через системные инструкции. Основой профиля могут быть конкретные или усредненные портреты реальных испытуемых, заполнявших различные ценностные опросники — как отдельных людей, так и обобщенных представителей определенных культур. Типы сценариев могут задаваться через

конфликты ценностей — например выживания и процветания, активности и защищенности и т.д. Валидизация опросников может быть проведена с помощью сопоставления данных о поведении агента в симулируемых условиях и поведения людей в лабораторных условиях.

Литература:

- Карандышев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и руководство по применению. Санкт-Петербург: Речь, 2004.
- Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностных ориентаций // Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4. С. 8–49.
- Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992.
- Шепелева Е.А., Лантева Е.М., Лантева Н.М., Ушаков Д.В., Забелин С.В. Формирование ценностных ориентаций учащихся, воспитывающихся в семьях и детских социальных учреждениях // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 126–138. DOI: 10.17223/17267080/74/8.
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Скачков А.А. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей и ее измерение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Bartram D. The relationship between ipsatized and normative measures of personality // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 1996. Vol. 69. № 1. P. 25–39. DOI: 10.1111/j.2044-8325.1996.tb00597.x.
- Brewer P., Venaik S. The ecological fallacy in national culture research // Organization Studies. 2014. Vol. 35. № 7. P. 1063–1086. DOI: 10.1177/0170840613517602.
- Galizzi M.M., Navarro-Martinez D. On the external validity of social preference games: A systematic lab-field study // Management Science. 2019. Vol. 65. № 3. P. 955–975. DOI: 10.1287/mnsc.2017.2908.
- Gibbins K., Walker I. Multiple interpretations of the Rokeach Value Survey // Journal of Social Psychology. 1993. Vol. 133. № 6. P. 797–805.
- Gouveia V.V. A natureza motivacional dos valores humanos: evidências acerca de uma nova tipologia // Estudos de Psicologia (Natal). 2003. Vol. 8. № 3. P. 431–443. DOI: 10.1590/S1413-294X2003000300010.
- Gouveia V.V. The functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 55. № 4. P. 344–350.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S. Improving the psychometric properties of value measures: A quasi-ipsative approach // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2008. Vol. 39. № 6. P. 690–712.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S. Teoria funcionalista dos valores humanos // Valores Humanos e Gestão: novas perspectivas / M.L.M. Teixeira (Org.). São Paulo: Senac, 2008. P. 47–80.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M. Functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 60. P. 41–47. DOI: 10.1016/j.paid.2013.12.012.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M. The functional theory of human values: From intentional overlook to first acknowledgement — A reply to Schwartz // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 68. P. 250–253. DOI: 10.1016/j.paid.2014.03.025.
- Hanel P.H.P., Litzellachner L.F., Maio G.R. An empirical comparison of human value models // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Art. 1643. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01643.
- Hicks L.E. Some properties of ipsative, normative, and forced-choice normative measures // Psychological Bulletin. 1970. Vol. 74. № 3. P. 167–184. DOI: 10.1037/h0029780.
- Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.
- Horstmann K.T., Rauthmann J.F., Sherman R.A. The psychological situation in daily life: Exploring inter- and intraindividual latent situation profiles // Journal of Research in Personality. 2017. Vol. 69. P. 241–251. DOI: 10.1016/j.jrp.2016.08.001.
- Hunthausen J.M., Truxillo D.M., Bauer T.N., Hammer L.B. A field study of frame-of-reference effects on personality test validity // Journal of Applied Psychology. 2003. Vol. 88. № 3. P. 545–551.

- Kitwood T.M., Smithers A.G. Measurement of human values: An appraisal of the work of Milton Rokeach // Educational Research. 1975. Vol. 17. № 3. P. 175–179.
- Lievens F., De Corte W., Schollaert E. A closer look at the frame-of-reference effect in personality scale scores and validity // Journal of Applied Psychology. 2008. Vol. 93. № 2. P. 268–279. DOI: 10.1037/0021-9010.93.2.268.
- Martínez A., Salgado J.F. A meta-analysis of the faking resistance of forced-choice personality inventories // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 732241. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.732241.
- McSweeney B. Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // Human Relations. 2002. Vol. 55. № 1. P. 89–118. DOI: 10.1177/0018726702551004.
- Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M. Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses // Psychological Bulletin. 2002. Vol. 128. № 1. P. 3–72. DOI: 10.1037/0033-2909.128.1.3.
- Peng K. Validity problems comparing values across cultures and possible solutions // Psychological Methods. 1997. Vol. 2. № 4. P. 320–334. DOI: 10.1037/1082-989X.2.4.329.
- Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.
- Sagiv L., Schwartz S.H. Personal values across cultures // Annual Review of Psychology. 2022. Vol. 73. P. 517–546.
- Salgado J.F., Anderson N., Tauriz G. The validity of ipsative and quasi-ipsative forced-choice personality inventories for different occupational groups: A comprehensive meta-analysis // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2015. Vol. 88. № 4. P. 797–834. DOI: 10.1111/joop.12112.
- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology / M. Zanna (ed.). Vol. 25. San Diego: Academic Press, 1992. P. 1–65.
- Schwartz S.H. Functional theories of human values: Comment on Gouveia et al. // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 60. P. S11–S14.
- Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53. № 3. P. 550–562. DOI: 10.1037/0022-3514.53.3.550.
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663–688. DOI: 10.1037/a0029393.
- Schwartz S.H., Cieciuch J. Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: Psychometrics of the revised Portrait Value Questionnaire // Assessment. 2021. Vol. 28. № 4. P. 930–954.
- Shaffer J.A., Postlethwaite B.E. A matter of context: A meta-analytic investigation of the relative validity of contextualized and noncontextualized personality measures // Personnel Psychology. 2012. Vol. 65. № 3. P. 445–494. DOI: 10.1111/j.1744-6570.2012.01250.x.
- Skimina E., Cieciuch J., Schwartz S.H., Davidov E., Algesheimer R. Behavioral signatures of values in everyday behavior in retrospective and real-time self-reports // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Art. 281. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00281.
- Triandis H.C. The analysis of subjective culture. New York: Wiley, 1972.
- Triandis H.C. Collectivism and individualism as cultural syndromes // Cross-Cultural Research. 1993. Vol. 27. № 3–4. P. 155–180. DOI: 10.1177/106939719302700301.
- Triandis H.C. Individualism and Collectivism. Boulder, CO: Westview Press, 1995.
- Triandis H.C., Suh E.M. Cultural influences on personality // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53. P. 133–160. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135200.
- Vilar Lobo de Souza R. Functional theory of human values: A multinational analysis of value structures [Электронный ресурс]: PhD thesis / Massey University. 2020. URL: <http://hdl.handle.net/10179/16163>.

EVOLUTION OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF PERSONAL VALUES: FROM HIERARCHICAL CHOICE AND ABSTRACT CONCEPTS TO REAL HUMAN BEHAVIOR AND LLM MODELING

© Elena A. Shepeleva

Candidate of Sciences (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

shepelevaea@ipran.ru; ORCID: 0000–0001–9867–6524

© Danila R. Shalimov

Postgraduate Student, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
shalimovdr@ipran.ru; ORCID: 0009-0001-7706-9618

The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, topic No. 0138-2026-0015.

The relevance of the study is due to the existence of a value-behavior gap — a persistent discrepancy between value priorities declared in self-report questionnaires and actual behavioral manifestations. The aim of this article is to trace the evolution of theoretical models of values and methods of their measurement, to link the structural features of questionnaires with their predictive power, and to propose a foundation for a new validation strategy through modeling value-oriented behavior in LLM agents. The paper provides a comparative analysis of five approaches to the study of values — those of M. Rokeach, S.H. Schwartz, G. Hofstede, H.C. Triandis, and V.V. Gouveia — along three formal parameters: degree of ipsativity/normativity, scale format, and degree of contextualization of wording. The results show that the differences between the approaches concern not only the content and structure of value concepts, but also the measurement format, the choice of the unit of analysis, and the degree of contextualization of questions. The discussion of the results allows concluding that the criterion validity of value questionnaires is systematically related to their structural features: ipsative formats reduce social desirability but distort correlations with behavior, whereas normative Likert scales ensure data comparability but are sensitive to response styles and yield lower predictive coefficients. The analysis provides a conceptual basis for constructing behavior-oriented validation schemes for value questionnaires, including those involving LLM agents. The ability to endow language models with given value profiles and place them in situations with conflicting motivations opens a new experimental field for empirical testing of hypotheses about value regulation of behavior. The conclusions of the work allow maintaining the distinction between cultural and individual levels of value analysis and provide guidelines for the selection of measurement formats and experimental scenarios capable of capturing meaningful differences in value configurations. The nearest research perspective is the development and testing of such scenarios on human samples and LLM agents, followed by a comparison of the obtained data with the results of standard value questionnaires.

Keywords: personal values, value-behavior gap, Rokeach's theory of values, Schwartz's theory of universal values, Hofstede's cultural value dimensions, Triandis's individualism–collectivism, Gouveia's functional theory of values, criterion validity, cross-cultural value orientations, LLM agents, modeling of value choice, self-report questionnaires, ipsative and normative scales, psychometric modeling, behavioral validation, simulation of value choice

REFERENCES

- Karandyshev V.N. (2004). Schwartz's methodology for studying personal values: concept and application guide. St. Petersburg: Rech'.
- Kisel'nikova N.V. (2021). Methodological problems of measuring values and value orientations // Social and Economic Psychology. Vol. 6(4). P. 8–49.
- Leont'ev D.A. (1992). Methodology for studying value orientations. Moscow: Smysl.
- Shepeleva E.A., Lapteva E.M., Lapteva N.M., Ushakov D.V., Zabelin S.V. (2019). Formation of value orientations in students raised in families and children's social institutions // Siberian Psychological Journal. № 74. P. 126–138. DOI: 10.17223/17267080/74/8.
- Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Skachkov A.A. (2012). Refined theory of basic individual values and its measurement in Russia // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. Vol. 9(2). P. 43–70.
- Bartram D. (1996). The relationship between ipsatized and normative measures of personality // Journal of Occupational and Organizational Psychology. Vol. 69. № 1. P. 25–39. DOI: 10.1111/j.2044-8325.1996.tb00597.x.
- Brewer P., Venaik S. (2014). The ecological fallacy in national culture research // Organization Studies. Vol. 35. № 7. P. 1063–1086. DOI: 10.1177/0170840613517602.
- Galizzi M.M., Navarro-Martinez D. (2019). On the external validity of social preference games: A systematic lab-field study // Management Science. Vol. 65. № 3. P. 955–975. DOI: 10.1287/mnsc.2017.2908.

- Gibbins K., Walker I. (1993). Multiple interpretations of the Rokeach Value Survey // *Journal of Social Psychology*. Vol. 133. No. 6. P. 797–805.
- Gouveia V.V. (2003). A natureza motivacional dos valores humanos: evidências acerca de uma nova tipologia // *Estudos de Psicologia (Natal)*. Vol. 8. № 3. P. 431–443. DOI: 10.1590/S1413-294X2003000300010.
- Gouveia V.V. (2013). The functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // *Personality and Individual Differences*. Vol. 55. № 4. P. 344–350.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S. (2008). Improving the psychometric properties of value measures: A quasi-ipsative approach // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 39. № 6. P. 690–712.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S. (2008). Teoria funcionalista dos valores humanos // *Valores Humanos e Gestão: novas perspectivas* / M.L.M. Teixeira (Org.). São Paulo: Senac. P. 47–80.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M. (2014). Functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // *Personality and Individual Differences*. Vol. 60. P. 41–47. DOI: 10.1016/j.paid.2013.12.012.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M. (2014). The functional theory of human values: From intentional overlook to first acknowledgement — A reply to Schwartz // *Personality and Individual Differences*. Vol. 68. P. 250–253. DOI: 10.1016/j.paid.2014.03.025.
- Hanel P.H.P., Litzellachner L.F., Maio G.R. (2018). An empirical comparison of human value models // *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Art. 1643. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01643.
- Hicks L.E. (1970). Some properties of ipsative, normative, and forced-choice normative measures // *Psychological Bulletin*. Vol. 74. № 3. P. 167–184. DOI: 10.1037/h0029780.
- Hofstede G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Hofstede G. (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Horstmann K.T., Rauthmann J.F., Sherman R.A. (2017). The psychological situation in daily life: Exploring inter- and intraindividual latent situation profiles // *Journal of Research in Personality*. Vol. 69. P. 241–251. DOI: 10.1016/j.jrp.2016.08.001.
- Hunthausen J.M., Truxillo D.M., Bauer T.N., Hammer L.B. (2003). A field study of frame-of-reference effects on personality test validity // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 88. № 3. P. 545–551.
- Kitwood T.M., Smithers A.G. (1975). Measurement of human values: An appraisal of the work of Milton Rokeach // *Educational Research*. Vol. 17. № 3. P. 175–179.
- Lievens F., De Corte W., Schollaert E. (2008). A closer look at the frame-of-reference effect in personality scale scores and validity // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 93. № 2. P. 268–279. DOI: 10.1037/0021-9010.93.2.268.
- Martínez A., Salgado J.F. (2021). A meta-analysis of the faking resistance of forced-choice personality inventories // *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. P. 732241. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.732241.
- McSweeney B. (2002). Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // *Human Relations*. Vol. 55. № 1. P. 89–118. DOI: 10.1177/0018726702551004.
- Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses // *Psychological Bulletin*. Vol. 128. № 1. P. 3–72. DOI: 10.1037/0033-2909.128.1.3.
- Peng K. (1997). Validity problems comparing values across cultures and possible solutions // *Psychological Methods*. Vol. 2. № 4. P. 320–334. DOI: 10.1037/1082-989X.2.4.329.
- Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press, 1973.
- Sagiv L., Schwartz S.H. (2022). Personal values across cultures // *Annual Review of Psychology*. Vol. 73. P. 517–546.
- Salgado J.F., Anderson N., Tauriz G. (2015). The validity of ipsative and quasi-ipsative forced-choice personality inventories for different occupational groups: A comprehensive meta-analysis // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. Vol. 88. № 4. P. 797–834. DOI: 10.1111/joop.12112.
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / M. Zanna (ed.). Vol. 25. San Diego: Academic Press. P. 1–65.
- Schwartz S.H. (2014). Functional theories of human values: Comment on Gouveia et al. // *Personality and Individual Differences*. Vol. 60. P. S11–S14.
- Schwartz S.H., Bilsky W. (1987). Toward a universal psychological structure of human values // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 53. № 3. P. 550–562. DOI: 10.1037/0022-3514.53.3.550.

- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al.* (2012). Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103. № 4. P. 663–688. DOI: 10.1037/a0029393.
- Schwartz S.H., Cieciuch J.* (2021). Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: Psychometrics of the revised Portrait Value Questionnaire // *Assessment*. Vol. 28. № 4. P. 930–954.
- Shaffer J.A., Postlethwaite B.E.* (2012). A matter of context: A meta-analytic investigation of the relative validity of contextualized and noncontextualized personality measures // *Personnel Psychology*. Vol. 65. № 3. P. 445–494. DOI: 10.1111/j.1744-6570.2012.01250.x.
- Skimina E., Cieciuch J., Schwartz S.H., Davidov E., Algesheimer R.* (2019). Behavioral signatures of values in everyday behavior in retrospective and real-time self-reports // *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. Art. 281. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00281.
- Triandis H.C.* (1972). *The analysis of subjective culture*. New York: Wiley.
- Triandis H.C.* (1993). Collectivism and individualism as cultural syndromes // *Cross-Cultural Research*. Vol. 27. No. 3–4. P. 155–180. DOI: 10.1177/106939719302700301.
- Triandis H.C.* (1995). *Individualism and Collectivism*. Boulder, CO: Westview Press.
- Triandis H.C., Suh E.M.* (2002). Cultural influences on personality // *Annual Review of Psychology*. Vol. 53. P. 133–160. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135200.
- Vilar Lobo de Souza R.* (2020). *Functional theory of human values: A multinational analysis of value structures* [Электронный ресурс]: PhD thesis / Massey University. URL: <http://hdl.handle.net/10179/16163>.